

«Моя антисоветская деятельность...»

Один год из жизни Л. Д. Ландау

Г. Е. Горелик,

кандидат физико-математических наук
Институт истории естествознания и техники АН СССР
Москва

В НАЧАЛЕ 1990 г. четвертым изданием вышла биография Ландау, которая, в частности, дополнена словами: «Впервые выходит книга об академике Льве Давидовиче Ландау, в которой нет белых пятен в его биографии: раскрыта история его ареста и освобождения, названа фамилия предателя, в корыстных целях написавшего гнусный донос, будто Ландау — немецкий шпион»¹.

Однако всего через несколько месяцев «предатель и доносчик» обратился в суд с требованием защитить его честь и достоинство. Основываясь на документах, включающих справку из Центрального архива КГБ, суд решил дело в пользу истца — Л. М. Пятигорского — и обязал автора биографии опубликовать опровержение, что и было сделано с выражением глубокого сожаления².

«Белое пятно» в биографии Ландау забелело еще ярче.

Наше время, однако, не благоприятствует сохранению белизны, и всего два месяца спустя в журнале «Известия ЦК КПСС» появилась пространная публикация: материалы следственного дела Ландау из архива КГБ — документ за документом (о небольшом исключении речь впереди), два письма из архива ЦК КПСС и расписка П. Л. Капицы, данная Берии³.

Судя по отсутствию каких-либо исторических комментариев, публикаторы сочли, что документы говорят сами за себя. Они действительно говорят о многом и даже кричат, но разобрать в шуме времени слова, различить истину и ложь бывает очень трудно.

Ландау принадлежит фраза, выразительно передающая психологическую суть той физики, в которой он жил, — физики микромира: «Человек может понять даже то,

что ему не под силу себе представить». Однако если речь идет об истории физики, то здесь, чтобы понять, по-прежнему — как и до квантовой механики — нужно уметь представить себе реальное состояние человека в реальных — хотя порой и сюрреалистических — обстоятельствах. Поэтому и не обойтись без исторических пояснений.

Подтверждает эту необходимость общее впечатление, которое, как выяснилось, возникает у прочитавших подборку документов в «Известиях ЦК» невооруженным глазом — не вооруженным знанием ситуации и сверхвооруженным фольклорным представлением об «органах». Впечатление состоит в том, что антисталинская листовка, фигурирующая в деле Ландау, — это подделка умельцев из НКВД и что Ландау, хлипкий интеллигент, слишком быстро сломался.

В АРХИВЕ КГБ

У пишущего эти строки есть причины думать иначе, поскольку он прочитал дело Ландау и несколько других дел в оригинале. Да, архивы КГБ наконец-то открылись. Точнее говоря, руководство КГБ, в ответ на просьбу историков, предоставило возможность изучить следственные дела физиков. Историков науки влекло не стремление отыскать следы смертных мук своих героев: лживо-деловитые протоколы, топорные приговоры и казенные справки о приведении их в исполнение не скажут об этом лучше тех, кому удалось уцелеть в кромешном «обострении классовой борьбы». Историки надеются найти сведения о жизни людей науки не в такие уж и далекие, но такие непонятные 20—50-е годы.

Страшно произносить слова о том, что истории отечественной науки повезло, но где и когда действующий физик, академик и директор институтов подробнейшим образом описывал свое научное окружение и свое «политическое кредо», как это сделал П. П. Лазарев, попав в 1931 г. в ОГПУ?!

Только в период наркомства Ежова следственные дела малосодержательны для

¹ Бессараб М. Я. Ландау. Страницы жизни. 4-е изд. М., 1990.

² «Московский рабочий» приносит извинения // Вечерняя Москва. 1991. 25 января.

³ Лев Ландау: год в тюрьме // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3.

истории науки — кровавое месиво, снабженное тупым сюжетом о терроризме-троцкизме-фашизме, по существу без всякой связи с реальностью. А до и после самого низкорослого из народных комиссаров дела шились и вышивались по канве реальной жизни. Иногда достаточно убрать криминальные эпитеты (вроде «антисоветские и контрреволюционные» действия, из-за частоты употребления сокращавшиеся до а/с и к/р), чтобы увидеть реальность.

Это относится и к делу Ландау, которое мне довелось читать в кабинете, где оно, возможно, и заполнялось. И видное в окно здание Внутренней тюрьмы, где Ландау провел год, помогало сосредоточиться и понять то, чего в деле прямо не прочтешь⁴. Например, что между документами, мало различающимися в типографском исполнении, на самом деле имеется большая разница. Что наиболее естественное происхождение имеют собственноручные «Личные показания Ландау Л. Д.», а протокол допроса — это сочинение, в котором реальное и вымышленное перемешаны чиновничьей рукой⁵. Что документы дела надо читать в свете двух неказистых листков из блокнота, с отрывочными записями, сделанными зелеными чернилами. Эти листки не вошли в публикацию «Известий ЦК», а зря. Сугубо деловая записка появилась, видимо, тогда, когда сверху поступила команда выдать профессора Ландау на поруки академику Капице и надо было эту «выдачу» оформить. Зеленая записка представляет собой краткий отчет о пребывании Ландау на Лубянке, отчет анонимный и составленный явно для служебного пользования.

«Ландау Л. Д.
арест. 27.IV.38 г.

дал показания в июле 1938 г., подписал протокол 3.IX. 38 г., об окончании след. объявили 21.XI.38 г. 15.XII.38 г. предъявили дело, 24.I.39 г. объявили о передаче дела прокуратуре, 25.III.39 г. объявили о передаче дела в Московский трибунал.

⁴ Помогали и консультации сотрудника Архива КГБ С. С. Ногина, которому автор очень признателен.

⁵ Вот самый наглядный пример. Протокольный следователь спрашивает 3 августа 1938 г.: «А членам вашей организации — Румеру, Бронштейну — было известно о подготовке этой листовки?». На что протокольный Ландау отвечает: «Я никого не информировал об этом и от Кореца не слышал, чтобы он сообщал о нашем замысле Румеру или Бронштейну». А на предыдущей странице протокола зафиксировано, что идея листовки возникла в апреле 1938 г. Следователю имя Бронштейна могло ничего не говорить, но Ландау-то знал, что Матвей Петрович Бронштейн, один из ближайших его товарищей, арестован еще в августе 1937 г.

Дело велось в СПО [секретно-политическом отделе] центра, следователи — Масленников, Вальдберг, Литкенс⁶.

7 часов стоял, замахивались, не били, показывали бумагу о переводе в Лефортово, в камере знали.

1 ½ м-ца не допрашивали. Литкенс — убеждал, по 12 часов. 6 дней сидел в кабинете без разговоров, объявил голодовку.

Прочел показ, харьковских физиков — Шубникова и Розенкевич.

Был за границей — Германия, Швейцария, Дания, Голландия и Англия с 1929—31 гг. Рокфеллеровск. стипендия —

В 1933 г. Копенгаген

1934 г. — « »

на конференц. по приглаш. Бора — датский физик.

С 1932 по 1937 гг. в Харьковск. физико-технич. институте, научная работа. С 1937 г. ин-т физ. проблем — Капица.

Холост, отец — инженер, без работы, обвинялся по вред. процессу в 30—31 гг., осужден был, освобожден.

Мать — врач — преподает физиологию.

Родственники — за границей — в Палестине, тетки.

Корец — Москва — физик. показ. — участие в а/с листовке.

Румер — физик, Москва — вместе с Корец участвов. в а/с вред. деят.

Шпионаж — в пользу одной из иностр. разведок.

Назвал Капицу и Семенова — как уч-ков организации — руководив. моей а/с работой.»⁷

Что такое а/с, уже сказано, а вот «показывали бумагу» надо пояснить. Потребности НКВД в Москве обслуживали три тюрьмы: Внутренняя, Лефортовская и Бутырская. В этой же последовательности ухудшались, и очень сильно, условия существования заключенных. «В камере знали» и Ландау (по свидетельству родных) знал, что в Лефортове пытаются.

Так что «хлипкий интеллигент» раскололся не сам и не сразу. Он и в самом деле был довольно хлипким: тощий, узкоплечий, «дохлого здоровья» (как писал Капица Молотову). По воспоминаниям друзей, как Ландау ни хотел научиться играть

⁶ Из дела следует, что Масленников, арестовавший Ландау, сам был арестован в 1939 г.; вклад Вальдберга и Литкенса в деле не зафиксирован, следственные документы подписаны Г. Ефименко — в августе сержанта, а в декабре уже мл. лейтенанта.

⁷ Центральный архив КГБ. Дело № Р — 18609 (Л. Д. Ландау). Л. 66—67.

У входа в лабораторный корпус УФИ. Первый ряд: Л. В. Шубников, А. И. Лейпунский, Л. Д. Ландау, П. Л. Капица. Второй ряд: Б. Н. Финкельштейн, О. Н. Трапезникова, К. Д. Синельников, Ю. Н. Рябинин. 1934г.

в волейбол, попасть по мячу было выше его сил.

Далеко не все можно легко себе представить в 1991 г. Атмосфера ожидания этого и ночной арест, поездка в «черном воронке» по ночной Москве и процедура **полного** обыска (не раз уже описанная), переход, точнее, перепрыг, из жизни, в которой тебя — 30-летнего профессора — окружающие уважают, побаиваются, обожают, к существованию, когда на тебя равнодушно смотрят, как на пока еще живой труп. Из арсенала, перечисленного в зеленой справке, легче всего воспроизвести «7 часов стоял». Тот, кто, читая показания Ландау, подумает, что он бы на месте Ландау..., имеет возможность постоять, не сходя с места, 7 часов и поразмыслить, учитывая при этом, что цифра 7 смехотворно мала по сравнению с обычными в таких случаях сроками...

В приведенной справке указаны основные вехи тюремного года Ландау и названы главные соучастники (от слова «участь») его дела: Л. В. Шубников и Л. В. Розенкевич, арестованные в Харькове в августе и расстрелянные в ноябре 1937 г.; Ю. Б. Румер и М. А. Корец, арестованные вместе с Ландау в один день, точнее, в одну ночь, с 27 на 28 апреля 1938 г.

Моисея Абрамовича Кореца (1908—

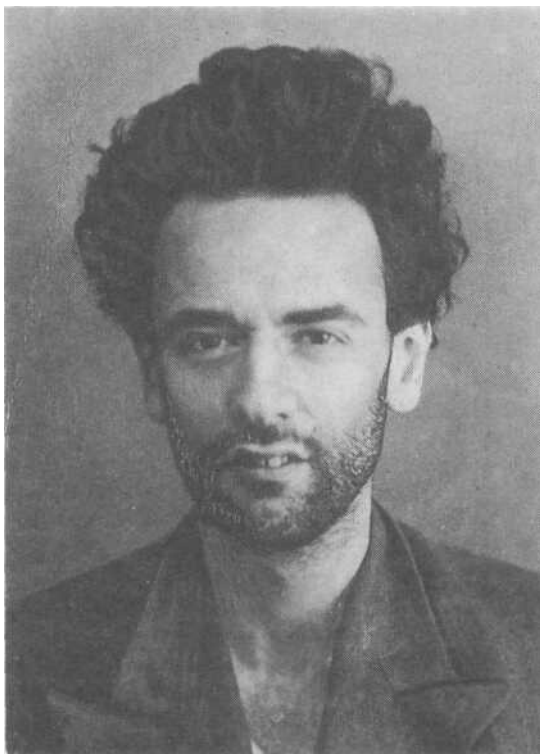
1984) помнят сейчас, помимо его близких, видимо, прежде всего в журнале «Природа», где он работал многие годы, вернувшись с Севера в 1958 г., после своего 10+4+∞-летнего срока (как известно, в последние сталинские годы отбывших лагерный срок поселяли в местах отдаленных «навечно»).

По воле судьбы пишущему эти строки довелось познакомиться с М. А. Корецом в 70-е годы и расспрашивать его о событиях 30-х, когда он был одним из ближайших к Ландау людей. Подобно многим другим, Корец, попав в сверхсильное поле личности Дау, с удовольствием этому полю подчинился. В источнике поля сконцентрировалась огромная интеллектуальная мощь и... во многом детское отношение к жизни.

Впрочем, психологический портрет Дау хорошо известен благодаря большому количеству его почитателей и заметно меньшему числу хулителей. И нам здесь следует заняться не столько психологией, сколько социологией или социальной психологией выдающегося физика и его друзей. Ведь именно этой сферой должны были заниматься следователи Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД.

БОРЬБА ПРОТИВ ДИАМАТА

Воспользуемся результатом усилий этого отдела — личными показаниями Ландау, добытыми в июле 1938 г. после всего того, что сухо перечислено в вышеприведенной справке. Шесть страниц собственноруч-

Из следственного дела Л. Д. Ландау. 1938 г. Архив КГБ СССР.

ных показаний — это, возможно, самая большая рукопись Ландау. Из-за своей знаменитой графофобии ему требовалась дополнительная — пишущая — рука. И до того, как обязанностью этой руки принял на себя целиком Е. М. Лифшиц, таких правых рук у Ландау было несколько. В их числе — М. А. Корец и Л. М. Пятигорский, рассказы которых будут прерывать и дополнять «Личные показания Ландау Л. Д.», воспроизводимые здесь по рукописи⁸:

«Моя антисоветская деятельность ведет свое начало с 1931 г. Являясь научным работником, физиком-теоретиком, я враждебно отнесся к пропагандируемому в то время партией внедрению в науку диалектического материализма, который я рассматривал как вредное для науки схоластическое учение. Это мнение разделялось научной средой, в которой я в это время вращался, — ведущими физиками-теоретиками Ленинграда. Сюда относятся Г. А. Гамов, М. П. Брон-

штейн, Я. И. Френкель, Д. Д. Иваненко. Гамов вообще придавал главное значение удобствам своей личной жизни и считал, что советская власть не обеспечивает своим ученым таких жизненных удобств, как капиталистические страны (в дальнейшем он стал невозвращенцем).

В наших разговорах мы всячески осмеивали диалектический материализм. Это мнение мы, хотя и более осторожно, проявляли и вовне; в частности, те из нас, которые занимались преподавательской деятельностью, в своих лекциях заявляли о никчемности диалектического материализма. В своей научной работе мы полностью следовали концепциям буржуазных ученых. В своей антидиалектической деятельности в науке, защищая буржуазную науку, мы действовали сообща и были уверены во взаимной поддержке.

В середине 1932 г. я, считая предложенные мне в Харькове условия более благоприятными, переезжаю в Харьков».

Весной 1931 г., с которого Ландау начал отсчет своей «антисоветской деятельности», он вернулся в Ленинград после полуторагодового пребывания в главных центрах европейской (читай — буржуазной) физики. А в августе, после трехлетнего пребывания за границей, вернулся Гамов, и началось то, что можно назвать второй молодостью «Джаз-банда».

Веселое объединение с таким названием возникло у молодых физиков Ленинградского университета в середине 20-х годов. Тогда, правда, в центре ансамбля были «три мушкетера» — Джони (Гамов), Димус (Иваненко) и (Лан) Дау. К осени 1931 г., по причинам психометафизическим, Димус начал отдаляться от «Джо-банды» (в ходу было и такое название), а эпицентром многих бурных событий в жизни советской физики стал «триумвират» — Джони, Дау и Аббат (М. П. Бронштейн).

Повзрослевшие и уже крепко стоявшие на ногах молодые теоретики наибольшее внимание оказывали теперь своей родной теоретике (как называли они теоретическую физику) — и ее содержанию, и ее общественному положению. Считанные месяцы в конце 31-го и начале 32-го годов вместили в себя несосчитанное количество физико-социальных событий. Крупнейшие из них — энергичная и весьма успешная кампания по выборам Джони в академики (в феврале 1932 г. появился 27-летний членкор), язвительная фототелеграмма в редакцию БСЭ (вызвавшая громкий скандал) и, пожалуй, самое главное — грандиозная, но, увы, безуспешная попытка создать для себя и для

⁸ В «Известиях ЦК КПСС» текст напечатан по машинописной копии, сделанной еще во время оно весьма небрежно.

советской теоретики Институт теоретической физики АН СССР — ИТЕФ.

Отнюдь не главным делом для молодых теоретиков было осмеивать диамат, а точнее, его невежественных внедрителей. Не менее острые насмешки адресовались «престарелым зубрам» — 40-, 50-летним физикам, «безнадежно отставшим» от жизни науки. Уж если добродушный Я. И. Френкель в сердцах обозвал трицу — «Хамов, Хам и Хамелеон», то, значит, было за что. Прикрыв глаза на хулиганистые манеры, можно поверить показаниям Ландау — защищая науку, они действовали сообща⁹.

Однако в Харьков Ландау переехал не от хоршей жизни к еще более благоприятной. Главным, судя по всему, стала неудача с ИТЕФом и невыносимо стеснявшая его опека старших (по возрасту и должности) физиков.

Но вернемся во Внутреннюю тюрьму. Итак:

«В середине 1932 г. я ... переезжаю в Харьков. Там я занимался и преподавательской деятельностью, где пропагандировал антидиалектические взгляды. В своих лекциях я выхолащивал диалектическое содержание физики, стараясь, таким образом, воспитывать советских студентов в духе буржуазной науки.

К этим взглядам я в дальнейшем привлек и знакомого мне еще ранее Л. В. Розенкевича, который не имел до этого четко выраженных взглядов, но под влиянием разговоров со мной перешел на мои позиции. В дальнейшем я сошелся с другим физиком, Л. В. Шубниковым. Обмен мнениями показал, что наши взгляды на диалектический материализм совпадают. Таким образом, к началу 1935 г. в Харькове оказалась группа единомышленников в составе Шубникова, Розенкевича и меня.

В начале 1935 г. в Харьков приехал М. А. Корец, с которым я и Шубников вскоре подружились и который тоже разделял наши взгляды на диалектический материализм. Начиная с середины 1935 г. наша деятельность переходит в следующий этап. Наряду [с борьбой] с линией партии в вопросе о диалектическом материализме мы начинаем вести борьбу с линией партии в вопросе об организации науки. Мы считаем, что проводимое в СССР слияние чистой и прикладной науки вредит научной работе и необходимо обособить одну от другой».

⁹ Подробнее в кн.: Горелик Г. Е., Френкель В. Я. Матвей Петрович Бронштейн (1906—1938). М., 1990.

«ТОЛЬКО ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ...»

Корец познакомился с Ландау еще в Ленинграде, осенью 1931 г., когда был студентом четвертого (последнего) курса физико-механического факультета ЛПИ, а Ландау там преподавал. После нескольких лет работы в Уральском ФТИ Корец переехал в Харьков, в Украинский ФТИ (УФТИ).

Дружеские отношения стали особенно близкими летом 1935 г. В начале лета Ландау и Кореца отправили из Харькова в деревню в качестве уполномоченных по сельскому хозяйству (!). Ландау, глубоко неравнодушный к проблемам образования, побывал в сельской начальной школе (где учитель читал с запинками) и в средней на выпускных экзаменах (где требовались зазубренные ответы на вызубренные вопросы). С высшим образованием Ландау был хорошо знаком, и общая картина его удручала.

К этой картине добавлялось все тяжелее положение в УФТИ после того, как на должность директора вместо А. И. Лейпунского (уехавшего в апреле 1934 г. на стажировку в Германию и Англию) назначили некоего Давидовича, имевшего заслуги перед Советской властью, но не перед наукой. Новый директор с пылом принялся наводить порядок в подведомственном ему учреждении...¹⁰ Когда Шубников называл Ландау в шутку «Лев Давидович»¹¹, веселье было довольно горьким — конфликт между Давидовичем и Давидовичем назревал неуклонно.

В конце лета 1935 г. три физика — Толстый Лев (Шубников), Тощий Лев (Ландау) и Миша Корец под водительством жены последнего, Норы, отправились в путешествие по Крыму. Маленькая женщина, завзятая и азартная походница, с которой мне выпало счастье познакомиться в горах Кавказа 24 года назад, рассказывала у костра и о жизни 30-х годов, и о том 100-километровом походе по горному Крыму. Как с удовольствием карабкались по крымским скалам; как Львы, не желавшие считаться и с туристскими правилами, утоляли жажду из всех попадавших на пути источников, не обращая внимания на соседство лягушек; как ночевали под открытым небом (палатки и спальные мешки тогда еще не вошли в употребление). Помимо красот природы

¹⁰ Вайсберг А. Россия в горниле чисток (отрывки из книги) // Лейпунский А. И. Избранные труды. Воспоминания. Киев, 1990. С. 270—273.

¹¹ Трапезникова О. Н. Воспоминания // Шубников Л. В. Избранные труды. Воспоминания. Киев, 1990. С. 285—289.

М. А. Корец. 1935 г. Из архива дочери, Г. М. Корец.

в центре походных разговоров были оставшиеся в Харькове проблемы.

В соответствии с духом времени трудность проблем не столько угнетала, сколько раззадоривала, побуждала бороться за правое дело. К духу времени добавлялся темперамент. Ландау задумал написать серию статей в газету о проблемах образования, созрел план перестройки УФТИ с заменой Давидовича.

Как и многие его коллеги-физики, Ландау верил тогда в огромные возможности советского социализма, в возможность сделать советскую физику лучшей в мире. Об этом говорят воспоминания его коллег и друзей (в особенности интервью в Дании 1931 г., о котором вспоминает Х. Казимир)¹². Об этом говорит и статья Ландау «Буржуазия и современная физика», опубликованная в «Известиях» 23 ноября 1935 г. Писалась эта статья рукой Кореца, но Ландау очень требовательно относился к словам и отвечал за каждое. Большая часть статьи посвящена трудному положению физики на Западе, поскольку она «находится в резком противо-

речи с общей идеологией современной буржуазии, которая все больше впадает в самые дикие формы идеализма». Конец же статьи отечественный:

«Совершенно иначе относится к науке победивший пролетариат. Партия и правительство предоставляют небывалые возможности для развития физики в нашей стране. В то время как буржуазная физика черпает свои кадры из узкого круга буржуазной интеллигенции, которым занятие наукой по карману, только в Советском Союзе могут быть использованы все действительно талантливые люди, которые, в противоположность выдвигаемой буржуазией теории, встречаются среди трудящихся не реже, чем среди эксплуатирующих классов. Только государственное управление наукой в состоянии обеспечить подбор действительно талантливых людей и не допускать засорения научных учреждений различными непригодными для научной работы «зубрами» от науки, по существу тормозящими ее развитие. (...) Мы обязаны сейчас мобилизовать все свои силы на построение лучшего в мире физического вуза, на воспитание лучшего в мире состава физиков-исследователей и на создание самой богатой и здоровой популярной литературы...»

Кого-то удивит близость этой лексики к уже забываемым шаблонам советской идеологии. Но это свидетельствует лишь о том, насколько эффективно политическая диктатура эксплуатировала идеологию и насколько советским человеком был Ландау.

Вернемся, однако, в то время, когда идеологические шаблоны еще не обнаружили всю свою шаблонность. Как же Ландау с друзьями собирались социалистически реконструировать УФТИ осенью 1935 г.?

«ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ПО РАЗДЕЛЕНИЮ УФТИ

В Лубянских показаниях читаем:

«...Проводимое в СССР слияние чистой и прикладной науки вредит научной работе, и необходимо обособить одну от другой.

Исходя из этой точки зрения Шубников (а за ним и другие) поставил вопрос о необходимости разделения института и уменьшения технической работы в научных отделах института. Эта постановка вопроса нами более или менее открыто и проводилась в институте. Так, мы требовали от сотрудников института прежде всего научной, а не технической квалификации. (...)

Партийная организация института вела с нашими установками борьбу, и нам не удалось добиться желаемого нами разделения. Это нас озлобило, и мои разговоры

¹² Воспоминания о Л. Д. Ландау. М., 1988.

с Корецом и Шубниковым (от Розенкевича к этому времени отошел) получили более резкий характер. Мы стали высказывать возмущение тем, что в научных институтах научные руководители не являются хозяевами и противопоставили это положение организации науки в буржуазно-демократических странах. В дальнейших беседах (на квартирах у Шубникова и моей) как я, так и Корец, и Шубников переходят к общему недовольству советской властью. Уже по поводу арестов в связи с убийством т. Кирова мы высказывали недовольство массовостью арестов, считая, что арестовывают ни в чем не повинных людей».

Здесь не место обсуждать вопрос о соотношении чистой науки и прикладной, вопрос, не имеющий универсального ответа. Если поверить очевидцам и участникам событий, основания добиваться реорганизации института были серьезные. Допустим даже, что Львы (теории и эксперимента) не вполне понимали соотношение прикладной науки и чистой в реальных советских условиях. Зато они хорошо, на собственном опыте, были знакомы с деятельностью передовых физических институтов в «буржуазно-демократических странах» и ясно видели всю пагубность чисто партийного руководства наукой.

«Более или менее открытая» борьба с парторганизацией не сводилась к резким закрытым разговорам. Цитированную выше статью Ландау и Корец сами привезли в «Известия», где их принял главный редактор Н. И. Бухарин. Он прочитал статью при автографах и тут же направил ее в печать.

Однако в весьма многотиражной и всесоюзной газете конкретные проблемы УФТИ не поместились. То было время, когда стенные газеты тоже активно участвовали в общественной жизни. И в стенгазете УФТИ появилась статья, излагающая позицию и аргументы двух Львов и сочувствующих им. Статью подписал М. Корец. Это уже было вещественным доказательством массовой агитации и пропаганды. В ноябре 1935 г. Кореца арестовали (говорили, что об этом Давидович попросил своих товарищей из НКВД). В следствии фигурировало также изъятые при аресте ответное письмо Лейпунского (из Кембриджа) Ландау с обсуждением реорганизации УФТИ. Фигурировало также свидетельское показание Л. М. Пятигорского, подтвердившего, что Корец говорил с ним о разделении института.

Пятигорский был единственным коммунистом в группе Ландау (в которую входили также А. И. Ахизер, А. С. Компанеев, Е. М. Лифшиц, И. Я. Померанчук). Как и дру-

гие, он боготворил Ландау. Но не менее сильное чувство он испытывал к Советской власти, благодаря которой беспризорник, потерявший в гражданскую войну всех родных и правую руку, получил высшее образование и возможность заниматься наукой.

Ландау поручил Пятигорскому писать «Механику» — первый том знаменитого впоследствии «Курса теоретической физики», и Пятигорский усердно этим занимался. Однако, по его свидетельству, «такой, какой она стала, «Механика» обязана, несомненно, Дау, который написал оглавление и редактировал текст, выбрасывая все лишнее и стремясь к предельной лаконичности»¹³.

Что касается разделения института, тут Пятигорскому впору было самому разделиться надвое. Он, благодарный судьбе (и тогда и полвека спустя) за то, что несколько лет провел рядом с «великим физиком и настоящим коммунистом без партбилета», тем не менее в 1935 г., в согласии с парторганизацией «считал идею разделения УФТИ неправильной, учитывая положение в мире и в стране». По поводу своих свидетельских показаний 1935 г. полвека спустя он сказал: «Я — коммунист и не мог врать советскому суду. Я сказал правду. Позже я не раз обдумывал это и понял, что не мог поступить иначе» (и это несмотря на то, что после его показаний Ландау и его группа прекратили с ним отношения). «Я имел честь быть вычеркнутым из списка коммунистов и внесенным в список фашистов», — с горечью сказал он (списки коммунистов, зубров и фашистов велись в специальной тетради и вел их до этого как раз Пятигорский).

То, что сказано, разумеется, слишком мало и схематично для воссоздания ситуации. Добавим лишь, что Корец после всего пережитого не испытывал к Пятигорскому злых чувств... А в 1935 г. Кореца приговорили к полтора годам лагерей.

Однако борьба за УФТИ на этом отнюдь не закончилась. Друзья Кореца написали письмо в ЦК партии с просьбой заменить директора, ездили в Комиссию партийного контроля, Ландау написал письмо наркому внудел УССР с ходатайством об освобождении Кореца. И добились своего. Давидовича сняли, вместо него директором вновь назначили А. И. Лейпунского, отозвав его из Англии. Приговор Корецу отменили, и в августе 1936 г. его освободили.

37-Й ГОД

Однако для торжеств оснований не хватало. Именно в августе 1936 г. для совет-

¹³ Беседа с Л. М. Пятигорским 22 июля 1986 г.

ских физиков начался «37-й год». В Москве арестовали Б. М. Гессена — директора Физического института МГУ, зам. директора ФИАН, члена редколлегии УФН; осенью — аресты ленинградских физиков, разгром Пулковской обсерватории...

«...Уже по поводу арестов в связи с убийством т. Кирова мы высказывали недовольство массовостью арестов, считая, что арестовывают ни в чем не повинных людей. Ещё в большей степени нас озлобили аресты большого количества специалистов, начиная со второй половины 1936 г. Резко отрицательно мы отнеслись к закону о запрещении аборт, считая, что он принят против воли большинства страны¹⁴.

Таким образом, к началу 1937 г. мы пришли к выводу, что партия переродилась, что советская власть действует не в интересах трудящихся, а в интересах узкой правящей группы, что в интересах страны свержение существующего правительства и создание в СССР государства, сохраняющего колхозы и государственную собственность на предприятия, но построенного по типу буржуазно-демократических государств.

Обострение борьбы с парторганизацией создало для меня в Харькове тяжелую обстановку, которая привела к тому, что в начале 1937 г. я, а потом и Корец переехали в Москву. При этом мы не изменили своих антисоветских установок, так что наши оставшиеся в Харькове единомышленники могли считать, что мы будем в Москве продолжать свою антисоветскую деятельность».

Переезд в Москву точнее было бы назвать бегством из Харькова. В декабре 1936 г. Ландау уволили из Харьковского университета. В знак протеста заявления об уходе из ХГУ подали его сотрудники, что было квалифицировано как «антисоветская забастовка»¹⁵. 25 января 1937 г. в НКВД вызвали А. Вайсберга... Свинцовые тучи не просто сгустились — начало капать.

8 февраля Ландау подал заявление о приеме на работу в Институт физпроблем к Капице. Спустя несколько дней в Москву перебрался и Корец.

¹⁴ Нынешнему читателю может показаться странным такое соседство арестов и аборт. Но в 1938 г. «все знали», что до 1935 г. в СССР аборт производился свободно, по желанию женщины, и что сталинскому закону о запрещении аборт предшествовало одно из первых «всемирное» обсуждение и, естественно, одобрение (см., например: Ш а т у н о в с к а я Л. Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982. С. 166).

¹⁵ Кикоин И. К. Как я преподавал в Харьковском университете // Воспоминания о Л. Д. Ландау. С. 160—164.

Ландау не преуменьшал грозящую ему опасность — пожалуй, он и правда к началу 37-го многое понял. Встретив на московской улице давнишнюю свою знакомую (еще со студенческих лет) актрису К. В. Пугачеву, Ландау, не поворачивая головы, сказал: «Не подходите. За мной, наверное, следят».

А 17 апреля 1937 г. на собрании в ФИАНе, вызванном «делом Бухарина», но посвященному делу Б. М. Гессена, пришлось выступить с оправданиями Ю. Б. Румеру.

«В январе месяце я был командирован в город Харьков, где работал у Ландау. (...) Там было острое положение. Ландау взяли тогда в подозрение, и я считал своим долгом открыто выступать в защиту своего друга Ландау. И сейчас заявляю: «Если Ландау окажется вредителем, я, несомненно, буду привлечен к ответственности», но и теперь, когда это мое заявление запротokolировано, я все же ручаюсь за него, как за своего лучшего друга»¹⁶. Спустя год Румеру пришлось убедиться в верности своего прогноза.

А вот что об этом годе пишет Ландау в показаниях:

«В Москве я распропагандировал Ю. Б. Румера, с которым я и Корец вели антисоветские разговоры, хотя и не высказывали наших установок до конца. В период конца 1937 г.— начала 1938 г. со мной вели разговоры на политические темы физик П. Л. Капица и акад. Н. Н. Семенов. В этих разговорах они высказывали возмущение происходящими в стране арестами специалистов, в частности физиков, и говорили, что научная работа в СССР из-за этого гибнет. Эти взгляды, разумеется встречали с моей стороны полную поддержку и одобрение.

В конце апреля 1938 г. [в оригинале 1937 — описка. — Г. Г.] Корец поставил передо мной вопрос о желательности перехода к агитации масс в форме антисоветских листовок. Вначале я отнесся к этой идее отрицательно, с одной стороны, будучи занят своей личной жизнью и не стремясь к более активной политической деятельности, с другой, не веря в успех дела и опасаясь ареста. Однако Корец сумел убедить меня, причем я поставил ему условие, что я ни с чем, кроме самого текста листовок, не знакомлюсь, что он не знакомит меня ни с какими данными о людях, связанных с распространением этих листовок (о существовании которых он мне сообщил), и вообще ничего больше не рассказывает мне об этой деятельности. Далее Корец написал эту листовку к 1 Мая, которую

¹⁶ Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год // Репрессированная наука. Вып. 2. Л., 1991.

я в общем одобрил, сделав отдельные замечания. Листовка по мысли Кореца была для усиления [в оригинале в этом месте лишнее слово — «Кореца»] написана от имени комитета А. Р. П.— несуществующей «Антифашистской Рабочей Партии». Она призывала к организации масс для борьбы с советским правительством, которое объявлялось передрившимся «фашистским».

8/VII.38 Л. Ландау»

Как явствует из дела «распропагандированного» Румера¹⁷, уже через несколько дней о первомайской листовке узнали там, где следует. И тамошним следователям не составило труда изъять эту листовку вместе с тремя физиками, не научившимися (к 1938 году!) держать свои мысли при себе, а язык — за зубами. И вот что смогли прочесть в Секретно-политическом отделе Центра:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Великое дело Октябрьской революции подло предано. Страна затоплена потоками крови и грязи. Миллионы невинных людей брошены в тюрьмы, и никто не может знать, когда придет его очередь. Хозяйство разваливается. Надвигается голод.

Разве вы не видите, товарищи, что сталинская клика совершила фашистский переворот? Социализм остался только на страницах окончательно изолгавшихся газет. В своей бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнил с Гитлером и Муссолини. Разрушая ради сохранения своей власти страну, Сталин превращает ее в легкую добычу озверелого немецкого фашизма.

Единственный выход для рабочего класса и всех трудящихся нашей страны — это решительная борьба против сталинского и гитлеровского фашизма, борьба за социализм.

Товарищи, организуйтесь! Не бойтесь палачей из НКВД. Они способны избивать только беззащитных заключенных, ловить ни о чем не подозревающих невинных людей, разворовывать народное имущество и выдумывать нелепые судебные процессы о несуществующих заговорах. Товарищи, вступайте в Антифашистскую Рабочую Партию. Налаживайте связь с ее Московским Комитетом. Организуйте на предприятиях группы АРП. Налаживайте подпольную технику. Агитацией и пропагандой подготавливайте массовое движение за социализм.

Сталинский фашизм держится только на нашей неорганизованности.

Пролетариат нашей страны, сбросивший власть царя и капиталистов, сумеет сбросить фашистского диктатора и его клику.

Да здравствует 1 Мая — день борьбы за социализм!

Московский комитет антифашистской рабочей партии»

ПИСАЛ ЛИ ЛАНДАУ ЛИСТОВКУ?

Вот теперь можно задаться этим вопросом. Разумеется, спустя полвека, опираясь на уцелевшие свидетельства, сомнительные уже по своему происхождению, трудно вынести приговор окончательный и обжалованию не подлежащий.

Надежно установленный закон истории гласит: чем меньше известно о какой-то исторической ситуации, тем легче возникает «единственно верное» ее объяснение. Действует нечто вроде аксиомы Евклида: через две точки проходит единственная прямая линия. Некоторым хватает даже и одной точки. Хотя, казалось бы, и неисторику понятно, что линии жизни редко бывают прямыми и что законы историометрии далеки от евклидовых. Относится это и к истории точных наук.

У привыкших почитать науку как детище чистого разума может возникнуть вопрос: а какое собственно отношение имеет изложенная секретно-политическая история к истории науки? Быть может, только то, что в анкете арестованного в графе «специальность» стоит «физик»?

Не так уж много в этом мире событий, объяснимых одной лишь причиной. Имея это в виду, можно предположить, что в обсуждаемую историю внесла свой вклад и профессия арестованных. Профессиональная привычка (ставшая второй натурой) выводить сложную картину явления «из первых принципов», готовность проверить алгеброй всякую дисгармонию — и в физике, и в лирике, и в общественной жизни — и, наконец, доверие к своей способности теоретического анализа.

Одна из трудных задач истории науки — учесть и добавить к общечеловеческой натуре исторических лиц их вторую натуру — профессиональную. Социальное поведение сравнительно небольшой группы больших профессионалов — тема, далеко не исчерпанная.

В нашем же случае к «неевклидовым» социальным обстоятельствам и к редкой в 30-е годы профессии физика-теоретика добавляется совершенно нетипичная личность, нетипичная даже среди своих коллег. Одно

¹⁷ Центральный архив КГБ СССР. Дело № Р — 23711 (Ю. Б. Румера). Л. 1—2.

Сотрудники «Природы» в гостях у М. А. Кореца. 1980 г.

необычное свойство наверняка озадачило читателей, впервые узнавших, что почти все работы, автором которых значится Ландау, написаны не его рукой. Этому не удивляются те, кто хорошо понимает, что это за профессия — теорфизика, и кто знает, каким профессионалом экстракласса он был. Графофобия Ландау может показаться очень важной для юридического вопроса «писал ли он листовку?», но еще важнее она для понимания психологических очков, через которые Ландау смотрел на мир.

Чрезвычайно строгое, рыцарское отношение к своей профессии и не связанное, казалось, никаким этикетом мирское поведение. Неукротимый рационализм и всеохватывающий материализм. Одно из объяснений графофобии Ландау — в крайней его требовательности к написанному им слову: стремление к совершенной точности очередного слова препятствовало выбрать это слово из многих возможных. Другое дело — устная, нематериализованная речь, принципиальное построение сюжета или беспощадное редак-

тирование. Впрочем, требовательность сосредоточивалась на естественных науках. Другие Ландау называл не- и противоестественными. Одно из самых употребительных его ругательств — «филология».

Выяснять, что здесь от эпохи, а что от врожденных талантов и границ, — дело нелегкое и весьма объемное.

Поэтому, чтобы не растворить свое суждение в оговорках, скажу — субъективно и пристрастно, но опираясь на все известные мне обстоятельства, — что склонен поверить «личным показаниям Ландау Л. Д.» относительно листовки.

Знавшие Ландау в 40—50-е годы не могут представить себе, что он пусть и не сочинял, но хотя бы редактировал такой текст. Каким бы точным и четким ни был диагноз, поставленный обществу в этой листовке. В указанные десятилетия отношение Ландау к социально-политической сфере выглядело безразлично-равнодушным. Физика и простые человеческие радости — этого ему вполне хватало.

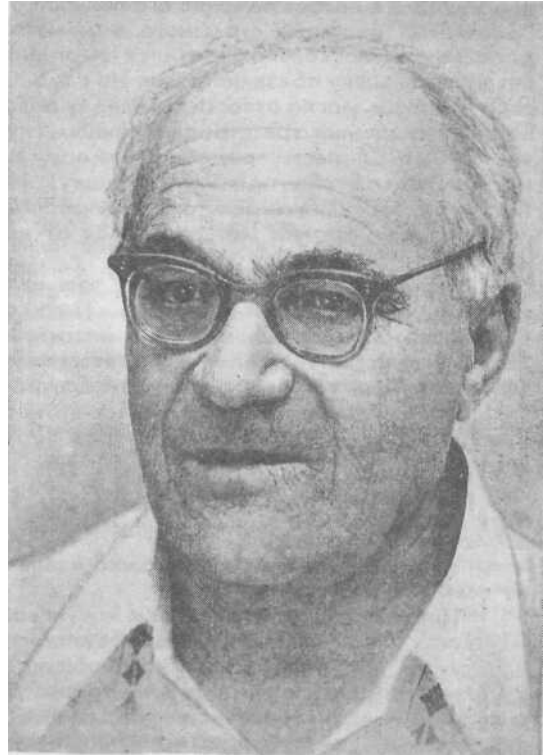
Разумеется, наука была у Ландау на первом месте и в предыдущее десятилетие, оставляя на все остальное лишь небольшую

долю рабочего времени. Более того, на три года, предшествующие аресту и соответствующие наибольшей его «политической» активности, приходится максимум его активности научной (более 20 публикаций, при средних для него — три в год). «Политический» фильтр, через который мы здесь глядим на жизнь Ландау, делает физику малозаметной, и только в этой части жизненного спектра перемена в Ландау оказалась столь велика, что многим кажется неправдоподобной.

Однако вряд ли кто не согласится, что на роль причины столь сильного изменения претендует событие тоже очень сильное.

А историку науки, имеющему дело с удивительным фактом, надо воссоздать последовательность событий, венцом которой мог бы стать этот факт. Соберем воедино: интервью Ландау датской газете в 1931 г., его статью в «Известиях» 1935 г., статью в стенгазете УФТИ, научно-политическую деятельность по созданию ИТЕФа в 1932 г. и по разделению УФТИ. Тогда листовка перестает выглядеть столь уж фантастичной. Особенно если не забывать о фантазмагии 37-го года.

Впрочем, способность не верить, как и способность верить, не имеет границ. И человек, не погружившийся в обстоятельства, легко может предположить, что листовку Корец написал в тюрьме под диктовку следователя, — в 37-м все было возможно. Такому человеку можно посоветовать прочитать текст листовки повнимательнее и сравнить его с суконым языком других документов в деле. Для тех же, кому мало всех косвенных улик (самых главных в истории), есть прямая (и главная, по Вышинскому) — признание писавшего эту листовку Кореца. Признание это прозвучало не в кабинете следователя, а в уютных домашних условиях в начале 80-х годов, под аккомпанемент веселого щелбета нянучек Кореца. Ясно было, что воспоминание о листовке не доставляет ему удовольствия. Ведь можно было думать, что она обошлась в два лагерных десятилетия для него самого и едва не стоила жизни Ландау, которого Корец глубоко почитал и любил. А о том, что М. А. Корец мог написать, свидетельствует его дар слова, реализовавшийся в популярных статьях и книгах, в стихах и поэмах¹⁸.

М. А. Корец. 1977 г.

Однако если внимательно изучить дело Ландау, можно убедиться, что листовка — казалось бы, столь явное а/с деяние — не ключевой факт. Скорее даже лишний, не нужный СПО ГУГБ. В самом деле 3/4 протокола допроса посвящено не листовке, а вредительству в УФТИ. Здесь действовали иные документы — показания Шубникова и Розенкевича, выбитые у них в Харькове осенью 1937 г. И в перечне «преступлений» Ландау листовка занимает последнее место. А главное — «участие в антисоветской группе, существовавшей в харьковском Физико-техническом институте, и вредительская деятельность».

Восстановить полную криминалистическую картину сейчас вряд ли возможно. Подосланы ли были агенты, чтобы дополнить харьковские показания, или шла обычная «нормальная» работа сети доносителей, в которую попали Ландау и его друзья? Ежовский НКВД дополнениями и уточнениями себя не утруждал.

Для судьбы Ландау, однако, более существенно то, что Ежову недолго оставалось быть на своем посту. «37-й год», начавшийся в середине 1936 г., подходил к концу. В августе 1938 г. Берия стал заместителем

¹⁸ Популяризацией М. А. Корец занимался еще в 30-е годы: в журнале «Техника — молодежи», № 9 за 1937 г., две его статьи — «Электронный микроскоп» и «Тремя двойками». После 1958 г. публиковал статьи в «Природе» и книги под псевдонимом М. А. Карев. Из поэтических его произведений особенно интересна поэма «Хагода» — ироничное повествование об исходе из Египта, пропитанное жизненным опытом мальчика из патриархальной еврейской семьи, превратившегося в книгознайку-безбожника, затем в физика и, наконец, в заключенного сталинских лагерей.

лем Ежова, а в ноябре заменил его полностью. Палаческий профиль страшного ведомства дополнился и несколько укротился «народно-хозяйственными» обязанностями. Но само по себе это лишь могло отвести от Ландау опасность немедленного расстрела. В лучшем случае он мог попасть, подобно Румеру, на многие годы в спецтюрьму (шарашку). Но Ландау, с его характером, не отличавшимся гибкостью, вполне мог сломаться от неизбежных испытаний.

Однако Ландау повезло не только в том, что его арестовали на исходе «37-го года». Повезло ему и с директором института. Умное мужество П. Л. Капицы и авторитет, завоеванный им у Предсовнаркома Молотова, совершили чудо: вредитель и соавтор антисоветской листовки был освобожден под поручительство.

Ну а какую же мораль можно извлечь из всей этой истории?

Прежде всего, мы получаем новую возможность наглядно представить себе непонятное сейчас состояние советского общества в эпоху, которая закончилась 37-м годом. До сих пор имелись свидетельства, исходящие от «простых» людей, от людей политики, искусства, но не от ученых с их профессионально рационалистическим отношением к окружающему. А восприятие физика, не связанного по долгу службы с политикой и идеологией, интеллектуально в наибольшей мере независимого, очень показательное. Поэтому «дело Ландау» дает особенно убедительные сведения о ситуации 30-х годов. Мы можем оценить энергию российского революционного порыва, если его не погасили два десятилетия строительства сталинизма и беспощадное уничтожение «врагов народа». Мы видим, что при всей ослепленности погруженного во мглу народа, суть происходящего мог понять не только Ф. Ф. Раскольников в 1939 г., прекрасно информированный о состоянии государственных дел, глядящий на эти дела из Европы, с высокого поста полпреда и, что немало важно, уже назначенный врагом народа¹⁹. Смогли понять и физики в 1938 г., знавшие о происходящем несравненно меньше и не относившиеся к «группе политического риска».

Однако оценить пронизательность этих неполитиков сейчас гораздо труднее, чем объяснить их арест.

Вернемся к цитате, которой начата статья. Корыстные цели, приписанные там «доносчику», — убрать имя соавтора с обложки книги. Заглянув в «Механику» Ландау и Пятигорского, можно узнать, что она сдана в набор за полтора месяца до ареста Ландау, и это, возможно, на почве общего отношения Ландау к Пятигорскому, породило «корыстную» причинно-следственную гипотезу.

Но вот другие факты того же рода и времени, из которых при желании можно было бы смастерить схожие гипотезы.

Второе издание «Статистической физики» Ландау и Лифшица тоже было сдано в набор, когда Ландау находился в тюрьме. Допустить, что рукопись попала в издательство, имея на титуле лишь одно имя, столь же трудно, как и то, что в набор она направилась с двумя именами.

В июле, всего через два месяца после выхода Ландау из тюрьмы, журнал «Знание — сила» публикует его статью «Теория относительности Альберта Эйнштейна». Когда он успел ее написать? Не в тюрьме же? Нет, до тюрьмы. И писал вместе с Румером, т. е., как обычно, Румер писал, а Ландау направлял и редактировал. Ну а в июле 1939 г. Румер оставался в тюрьме (до 1948 г.).

А ведь тут соавторы были связаны близкой дружбой. Что это? Разрушение этических норм? Или желание сохранить хотя бы труд сгнувшего в бездне? Подобные аналитические вопросы вряд ли возникнут у того, кто с помощью жизненного опыта или очень богатого воображения способен представить себя в 37-м году.

Те, кто скор на исторические гипотезы, исходящие из прямолинейно-евклидовского вопроса «кому выгодно?», пусть представят себе, что в 1937 г. был бы арестован академик А. Ф. Иоффе. Не сказали бы тогда, что в этом аресте виноват Ландау, который на знаменитой мартовской сессии АН СССР в 1936 г. адресовал директору Ленинградского физтеха самые резкие слова?

И последнее. Пятигорский, как выяснилось, не причастен к аресту Ландау, но именно его обращение в архив КГБ в мае 1990 г. привело к реабилитации Ландау. Да, лишь 23 июля 1990 г. Ландау перестал быть «на поруках у П. Л. Капицы», его а/с листовка признана очень даже советской, и дело прекращено «за отсутствием в деянии состава преступления».

* В статье использованы воспоминания, которыми с автором поделились Нора Лазаревна Гепштейн, Наталья Моисеевна Корец, Клавдия Васильевна Пугачева и Леонид Моисеевич Пятигорский. Всем им автор глубоко благодарен.

Понять происходившее в 30-е годы автору помогли Павел Евгеньевич Рубинин и Евгений Львович Фейнберг.

¹⁹ Поликарпов В. Федор Раскольников // Реабилитирован посмертно. Вып. 1—2. М., 1989. С. 204—235.